

ЗАПИСКИ СТАРОГО ПЕТЕРБУРЖЦА

С.-Петербург.—St.-Petersbourg. № 33.
В. Дворянская на Петерб. стороне.—Rue gr. Dvorianskaja.

Любимая улица

Есть в Петербурге одна замечательная улица, которую я безумно люблю и с которой у меня связана вся жизнь, в окрестностях которой жили мои предки, чуть ли не от времени возникновения города. По ней шёл народ на Троицкую площадь для участия в крестных ходах в престольные праздники и на фейерверки по случаю побед российского оружия. По ней шли возвращавшиеся с Великой Отечественной войны воины, которых жители Ленинграда забрасывали цветами. По ней шли ленинградцы на салют победы 1945-м году. По ней шли пленные фашисты, испытывая унижения за свои злодеяния. По ней шли на праздничные демонстрации работники промышленных предприятий Петроградской и Выборгской стороны.

Если вспомнить историю нашего города, то мы узнаем, что Пётр Великий, взяв город Нотебург (Шлиссельбург), причалил на гребной галере к восточной оконечности Медвежьего острова (теперь это Васильевский остров) и сказал словами Александра Сергеевича Пушкина: «Здесь будет город заложен...». Оглянувшись назад, увидел Заячий остров и сказал уже своими словами: «Здесь будет фортеция». И приступил к делу.

Оказалось, что жить на «Полтаве», качаясь на волнах, не очень удобно, да и ездить на ботике от стрелки Медвежьего острова до восточной части Заячьего острова, где была устроена пристань, — хлопотно. И он повелел построить царскую избу (теперь это музей «Домик Петра I») выше по течению, где в Неву впадает речушка Глинка. Рядом с домиком постоянно дежурил на Неве ботик, на котором Пётр отправлялся на работу на строительство крепости. Придя с работы, он садился на бережок Глинка и тщательно омывал сапоги, залепленные грязью, затем принимал баню и призывал к себе придворных вельмож на ассамблею для свершения государственных дел.

Дворяне же топали напрямую от пристани, что находилась у площади с храмом Святой Троицы, до речки Глинка, и далее по её берегу до приёмной царя (теперь уже императора). В итоге протопали дорогу, которую назвали Большой Дворянской (в дальнейшем дорогу переименовали в улицу), а тропинку к домику — Малой Дворянской дорогой. Позже Большую Дворянскую дорогу продлили до Большой Невки и сделали наплавной Сампсоньевский мост на Выборгскую сторону.

Разобравшись с историей, уместно вспомнить, что в поздние времена речку Глинку, превратившуюся в болото, засыпали, и, чтобы увеличить площадь интенсивно застраиваемой Петроградской стороны, проложили на этом месте Малую Дворянскую улицу.

Покончив с географией, пора переходить к персоналиям.

На Большой Дворянской жили, имели владения и ходили большие вельможи и известные миру люди, а строили великие и заслуженные архитекторы.

Мне известно, что на этой улице в разные времена жили или имели домовладения: первый комендант Петропавловской крепости Иван Никитич Скобелев, дед знаменитого полководца, национального героя Болгарии и России, Бело-

го генерала Михаила Дмитриевича Скобелева, родившегося в Комендантском доме Петропавловской крепости; первый советский комендант Петропавловской крепости Владимир Михайлович Латманов — подполковник артиллерии царской армии, бывший комендант фортов Ино (Николаевский), Зверев, Тотлебен, мой дед по материнской линии; комендант Петропавловской крепости Пётр Иванович Кашеев, сменивший на этом посту моего деда, отец Олега, моего школьного блокадного товарища; балерина Матильда Кшесинская, в садике особняка которой я во время войны безумно любил играть и даже закопал клад; поэтическая муза блокадного Ленинграда Ольга Фёдоровна Берггольц, с которой я был лично знаком и не раз навещал её в доме № 3; знаменитый шахматист, советский гроссмейстер, неоднократный чемпион СССР Григорий Яковлевич Левенфиш, с сыном которого я учился в 82-ой блокадной школе и дружил всю жизнь, от которого я получил в подарок на день рождения книгу «Учебник шахматной игры»; главный архитектор Ленинграда 50-х годов Валентин Александрович Каменский, мой институтский учитель и руководитель многих моих архитектурных проектов; ну и, наконец, ваш покорный слуга, автор этих строк.

Как вам удалось уже догадаться, Большая Дворянская улица оказалась первой улицей нашего замечательного города. Как и всё в этом мире, она тоже жила своей непростой жизнью. Моя бабушка Лидия Прокопьевна Латманова, смольнинская институтка, говорила, что название улицы всегда таинственным образом соответствует её сути, происхождению и статусу, и приводила в пример Невский проспект: как его ни пытались переименовать — не получилось. «Невская перспектива» так и осталась Невским проспектом. Поэтому бабушка всегда называла улицы так, как они звучали до революции 1917 года — Каменноостровский проспект (а не Кировский), Троицкая площадь (а не площадь Революции), Сампсоньевский проспект (а не Карла Маркса), Дворянские улицы (Куйбышева и Мичуринская), Введенская (Олега Кошевого) и другие. Такие действия были небезопасны в тоталитарном государстве, но она умело отшучивалась, ссылаясь на слабую память.

Случилось: в 1921 году Большая Дворянская улица стала униженно называться 2-й улицей деревенской бедноты, а Малая Дворянская — 1-ой улицей деревенской бедноты. Позже, после убийства Куйбышева, 2-я улица деревенской бедноты получила новое имя. Сейчас силами общественности поднимается вопрос о возвращении исконного названия. Сами понимаете, как это необычно, что на одних домах обозначено — Куйбышева, на — других Большая Дворянская.

Ну и, наконец, о моей любимой улице Куйбышева (другого имени я не застал, а до старого ещё не дожил).

Сколько я себя помню, а помню я себя с двух лет, наш замечательный город я узрел из окна трамвая № 6, когда меня возили со Среднего проспекта Васильевского острова, где мы жили в коммуналке, к бабушке на улицу Куйбышева. Я видел и запоминал долгое гроыхание трамвая по Среднему проспекту с его яркими цветными, под цвет шёлковых абажуров, окнами; Тучков мост; стадион Ленина со свайным основанием; сверкающий в закатном солнце Владимирский собор, где меня крестили; Зоопарк с Американскими горами, на которых люди так визжали, что было слышно даже в гремящем трамвае; шпиль Петропавловского собора; кинотеатр «Великан»; удивительно красивый общественный туалет на углу проспекта Горького, Татарскую мечеть, дворец Кшесинской и, наконец, бабушкин дом из красного глазурованного кирпича на улице Куйбышева № 22.

Сейчас про каждый дом на этой улице я могу написать историю в стихах. Но лучше меня это сделал, описав место, где мог стоять дом № 14, замечательный поэт блокады Юрий Петрович Воронов:

Блокадный след не только в наших душах.
Не только там снаряды вражьи пушек.
Дома, земля таят блокады месть,
Слепую месть тому, кто ныне здесь.

На Куйбышева в сквере, в тихом месте
В земле фугаска — килограммов двести,
А, может быть, и больше... Рядом дом,
Полвека под дамокловым мечом.

Воину добили, Гитлера разбили,
И Ленинград родной восстановили,
Но вытащить фугаску из земли
На Куйбышева так и не смогли —

Гниёт стабилизатор, злобно скрючен.
Она — как в теле ржавая колочка.
И, как нарыв, в ней скрытно зреет взрыв,
Для чьих-то жизней и надежд обрыв...

Да, до сих пор остались из блокады
Не только в душах ржавые снаряды.
И бомбы невзорвавшиеся есть —
Возможно, очень крупные, как здесь.

Эта история мне близка, так как я жил всю блокаду в доме № 22 и был непосредственным участником этих событий. Можно сказать, что на моих глазах эта бомба упала, далее несколько часов мы с мальчишками наблюдали из разных мест за работой сапёров, но бомба ушла под землю. Спустя десять лет в 1952-м году я наблюдал, как снова пытались эту бомбу достать, успели привязать к её ржавому стабилизатору стальной стометровый фал, но она снова ушла в глинистую яму. Уже будучи студентом Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ), в 1957-м году я задал на лекции по основаниям и фундаментам вопрос преподавателю об этой бомбе и он сказал, что эта тема серьёзно прорабатывается в научных кругах, находится под контролем руководства города, просчитываются и возможности последствия взрыва. В 1979-м году, будучи руководителем проекта по строительству дома № 13 на улице Мичуринской я инициировал исследовательские работы по извлечению бомбы и вот результат: сделали шурфы на глубину 5 и 20 метров, обнаружили фал и речку. Фал вытащили с остатком стабилизатора, выяснили, что бомба ушла на 100 метров в Неву и там полегла. В 2008-м году, когда здания Института Мозга и Дворца молодёжников перешли в ведение администрации Президента Российской Федерации, были проведены серьёзные и обширные гидротехнические работы вдоль Петровской набережной от Каменноостровского моста до крейсера «Аврора» с привлечением водолазной техники, но ничего не было обнаружено. Сделан вывод: корпус бомбы сгнил, взрывчатка (тринитротолуол) — размыта и унесена Невой в Финский залив; взрыватель, до которого в своё время сапёры не смогли добраться, — немцы забыли поставить (такое случалось, но не по ошибке, а для того, чтобы беспокоить население осаждённого города и отвлечь сапёров от действительной работы).

В сознании жителей Петербурга, Ленинграда и Санкт-Петербурга улица Куйбышева всегда была улицей торжества и праздника. По ней идут в обе стороны толпы туристов к крейсеру «Аврора» и от него к Петропавловской крепости.

Улица жила, живёт и будет жить красивой и любимой.

Юрий Оттович Вебер

Улица Куйбышева в наши дни. Трамвай № 6 ещё ходит, но редко